

Новое воспоминание.

Это словосочетание занозой засело в мыслях Линь Уцзю. Память великого дракона... Как она явится ему? Будет ли это похоже на Омут памяти из «Гарри Поттера»?

Для писателя такой опыт — бесценный материал. Недолго думая, юноша решил заглянуть в это прошлое.

Прошла минута. Линь Уцзю лишь недоуменно моргнул. Минуло десять минут. Он всё так же сидел за столом, рассеянно вертя в пальцах перо. Прошло полчаса.

Дженни из любопытства высунулась из-за его плеча:

— Ты чего замер?

Линь Уцзю промолчал. Видимо, это какой-то баг.

Пробовать призыв он не стал. Дженни была слишком близко, и если процесс окажется шумным или эффектным, объяснить ей происходящее будет невозможно. Он не хотел раскрывать свой главный козырь — Чёрное перо.

«Дождусь пятницы, — решил он. — Когда Дженни отправится разносить третью главу «Борца с Солнцем», тогда и попробую»

До выхода новой главы оставалось шесть дней.

Тем вечером Линь Уцзю, как обычно, лёг в постель ровно в одиннадцать. И вновь его настиг странный сон.

В этом видении его сознание раздвоилось. Он то парил в вышине, бесстрастно, точно зритель в кинотеатре, наблюдая за мощным телом Адониса со стороны, то сливался с драконом воедино. Тогда мир преображался: он видел его глазами древнего змея, а в груди гулко отдавались отзвуки чуждых, яростных чувств.

Его рога, подобные грозным копьям, пронзали небосвод. Чешуя отливала текучим золотом, а в зрачках клокотала расплавленная магма. Громовой рык, низкий и властный, разносился над миром, точно звон исполинского колокола.

Он с неистовством носился над горными хребтами, подобно золотой лаве, вырвавшейся из

самого сердца земли. Железная чешуя скрежетала о скалы, стирая в пыль вековые деревья и камни. Всё, что попадалось на пути, обращалось в прах.

Он был драконом! Сильнейшим народом в мире!

Устрашающая аура незримым куполом накрывала леса. Люди и звери в ужасе падали ниц, моля о пощаде. Это величие было естественным, неоспоримым — так древний тиран взирает со своей колесницы на подвластный ему мир.

В те редкие моменты, когда юноше удавалось отстраниться от захлестнувших его эмоций, он содрогался от немого восторга. Одно дело — слушать рассказы Адониса о его былой славе, и совсем другое — видеть всё своими глазами.

Тот Адонис, которого он знал, был избитым, умирающим существом, покрытым грязью и затянутым в цепи. Тот, кто когда-то владел небесами, превратился в жалкого узника, доживающего свой век в сырой темнице.

Мгновение — и сцена сменилась.

Гордый Адонис опустился на землю перед человеком в сияющих доспехах. Великий змей склонил голову, позволяя смертному коснуться золотой чешуи на лбу. В его алых, обычно холодных и жестоких глазах сейчас светилась нежность.

Сердце дракона пело — легко и радостно.

— Мой рыцарь, — прокотал Адонис. Он прищурился, и его длинная пасть растянулась в подобии улыбки. — Как прошёл твой день?

— Замечательно! — Златовласый воин ослепительно улыбнулся. — Адонис, куда мы отправимся сегодня?

— К моему дому. Ты ведь давно хотел там побывать.

Надменный дракон склонял голову лишь перед тем, кого признавал своим наездником. И только рыцарю дозволялось ступить на его широкую спину.

Линь Уцзю с тем же странным чувством сопричастности наблюдал, как Адонис и его всадник мчатся сквозь облака. Они побывали в самых отдалённых уголках мира, встречали диковинных существ и оставляли после себя легенды, что до сих пор шепотом пересказывают в королевствах Либерти.

Дракон и его рыцарь. Романтичный, возвышенный союз. Они были не просто напарниками —

братьями по оружию, единственными друзьями, готовыми отдать жизнь друг за друга.

Линь Уцзю никогда не знал таких чувств. Это было ново, странно и... удивительно приятно. До появления матери у него не было никого, кого он мог бы назвать другом. Глядя на эту связь, он поймал себя на мысли, что почти завидует Адонису.

Во сне время течёт иначе. Десятилетия пролетали как краткие мгновения.

Линь Уцзю видел, как золотые волосы рыцаря покрылись инеем седины, как его статная фигура согнулась под грузом лет. Адонис же оставался всё таким же молодым и могучим.

Мир вокруг них менялся к худшему. Всё чаще дракон видел, как инквизиторы Святого Престола хватают еретиков. В добром расположении духа он помогал несчастным, в дурном — просто пролетал мимо, предоставляя их самим себе.

Он был вершиной пищевой цепочки. Охотники на драконов приходили один за другим, и все они, без исключения, обращались в пепел под его дыханием. Даже хвалёные рыцари-каратели из Бюро по расследованию ереси не могли с ним сравниться.

Затем пришло предостережение от старейшин рода: всем драконам велели немедленно вернуться на Землю Драконьего Сна. Старейшина предупреждала: тех, кто останется среди людей, ждёт нечто ужасное.

— Ты уходишь? — Старый рыцарь обнял его за шею, и слезы пробороздили его морщинистое лицо. — Я буду так скучать...

Адонис нежно коснулся его волос носом:

— Не бойся, я не оставлю тебя сейчас. Побуду с тобой ещё несколько лет, старый друг.

Они не говорили об этом вслух, но оба понимали правду. Хотя в жилах рыцаря и текла капля драконьей крови, он оставался человеком. Его срок подходил к концу. Адонис хотел остаться с ним до самого последнего вздоха... а потом, быть может, каждый год приносить цветы на его могилу.

Так продолжалось до того рокового дня.

Адонис никогда не рассказывал, как именно Церкви удалось его схватить. О тех столетиях боли и мрака в подземельях он упоминал лишь вскользь. И Линь Уцзю его понимал: гордость дракона не позволяла ему выставлять напоказ свой позор и поражение перед незнакомцем.

Видение резко изменилось.

Живописный холм под лазурным небом превратился в разверстую пасть огромной ямы под проливным дождём. Линь Уцзю, точно призрачная тень, парил в воздухе, наблюдая за происходящим внизу.

Священники, паладины и монахини плотными рядами окружили котлован. Облачённые в одинаковые белые робы, они монотонно напевали слова заклятий. Вспышки святого света сплетались в светящиеся цепи, которые медленно стягивались на дне ямы.

Адонис беспомощно лежал в грязи. Его крылья, некогда правившие небом, висели безвольными тряпками. Дракон вскинул голову, вкладывая последние силы в этот жест, и вперился взглядом в фигуру, стоявшую наверху.

Он узнал бы этого человека из тысячи — по одному лишь запаху. Они провели вместе полжизни. Они прикрывали друг другу спины в бесчисленных битвах!

Теперь же его бывший друг, облачённый в бело-золотые одежды епископа, сжимал в руках символ Бога Солнца. Он смотрел вниз спокойно и отстранённо, а на его губах играла та самая, до боли знакомая кроткая улыбка.

— Почему?! — Адониса била крупная дрожь. В его груди бушевала ярость, но сил не хватало даже на крик. — Почему... почему ты это сделал?!

Зачем он подсыпал яд в еду? Зачем заманил в засаду? Зачем... предал?

«Я был горд перед всем миром, но перед тобой одним всегда склонял голову!»

Адонис до последнего пытался найти оправдание:

«Тебя заставили, верно? Тебе угрожали? Или это магия затмила твой разум? Скажи мне, что у тебя не было выбора!»

Рыцарь-епископ мягко улыбнулся — так же, как и сотни раз прежде. И на сей раз он ответил честно:

— Чтобы сохранить величие рода Уайлдеров.

***

Линь Уцзю резко сел на кровати. Дыхание сбилось, лоб покрылся испариной.

В груди ныло. Ярость, горечь, отчаяние и ненависть, сплетённые в один тугой узел в душе

Адониса, были слишком осязаемыми. Даже проснувшись, юноша не мог сразу избавиться от этого гнёта.

Он жадно хватал ртом воздух, прижимая ладонь к болящему сердцу, которое колотилось в совершенно безумном ритме. Ему показалось, что он вот-вот умрёт от сердечного приступа.

— Ты почему плачешь?!

Линь Уцзю вздрогнул. Он в забытьи коснулся своего лица — пальцы стали влажными.

— Он уже не может плакать. Приходится мне делать это за него.

Дженни ничего не понимала. Но вид черноволосого юноши сейчас был по-настоящему жалким. Он сжался в комок, точно промокший под дождём щенок: бледный, с дрожащими плечами и потухшим взглядом.

В сердце Дженни шевельнулось редкое для неё сострадание. Она даже не стала язвить.

«Клянусь Бездной, я совершенно не умею утешать людей!»

«Джек, твоя очередь!» — она насильно сменила личность, передавая контроль брату.

Джек растерялся. Он неловко присел на край кровати и ткнул Линь Уцзю пальцем в плечо:

— Ты чего? Заболел?

— Всё в порядке. Просто дай мне побыть одному.

Чувства Адониса были слишком тяжёлыми, Линь Уцзю едва не тонул в них. Он чувствовал, как обида, точно едкая кислота, растекается по венам, выжигая всё внутри. Юноша стиснул зубы, сдерживая стон боли.

Он отчаянно пытался отвлечься, заставляя себя думать о чём-то другом. Род Уайлдеров... Это имя казалось знакомым. Он определённо слышал его раньше.

Линь Уцзю обратился к Джеку:

— Ты что-нибудь знаешь о семье Уайлдер? Это древний аристократический род, им не меньше пяти-шести веков. Говорят, около пятисот лет назад один из них был высокопоставленным епископом Святого Престола.

— Уайлдер? — Джек долго морщил лоб, но так ничего и не вспомнил. — Да разве бывают вечные семьи? — Он фыркнул с несвойственным его детскому облику безразличием. — Раз я о них не слышал, значит, они давно загнулись. Скорее всего, и фамилию-то свою не сберегли.

«Нет, это не так!»

Линь Уцзю наконец вспомнил, где встречал это имя.

Картер... Картер Уайлдер! Тот самый капитан из Бюро по расследованию ереси!

Неужели Картер — потомок того самого рыцаря, что предал Адониса? Если так, то ирония судьбы была просто беспощадной. Тот предок был драконорождённым, то есть, по меркам нынешней Инквизиции, — неоспоримым еретиком.

И теперь потомок еретика стал рыцарем-карателем.

Более того, Картер, похоже, и понятия не имел о величии рода, ради которого была совершена та подлость. Он рассказывал, что вырос в деревне, гнул спину на поле и терпел побои. О славе семьи Уайлдер он не обмолвился ни словом — едва ли он вообще гордился своим именем.

Если Картер действительно из того рода, то это была высшая степень сарказма.

Линь Уцзю спросил Джека:

— Если бы я захотел сравнить тюрьму Пентонвиль с землёй, как бы мне стоило поступить?

— Это невозможно, — отрезал мальчик. — Думаешь, никто раньше не пробовал? Пентонвиль стоит до сих пор только потому, что все эти попытки провалились.

— А если это сделает дракон?..

— И что с того? Даже бог драконов пал в бою, — Джек горько усмехнулся. — Как ты думаешь, что такое святыне реликвии Бога Солнца? За счёт чего Он одолел всех прочих богов?

— За счёт силы, — бесстрастно закончил Джек. — Сокрушительной, абсолютной силы.

Поэтому он никогда не ждал, что Лэнс сможет свергнуть Церковь лишь парой книг. Они с Дженни просто хотели испортить Богу Солнца триумф и доставить Ему как можно больше хлопот.

Линь Уцзю подумал, что гнев Адониса, должно быть, совсем затуманил ему разум. Иначе как

бы он мог сказать такое?

— Я хочу создать организацию, — произнёс он, поднимая голову. Слова сами сорвались с губ.
— Она объединит всех еретиков — всех, кому нет места в этом мире.

«Нет, это неправильно. Я всего лишь писатель»

Писатель должен сочинять захватывающие истории, а не становиться их частью. И уж тем более он не должен пытаться переписывать судьбы реальных людей.

— Не знаю, сколько на это уйдёт времени. Может, десятилетия. Потребуется сменить не одно поколение...

Его голос звучал сухо и твердо, в нём чувствовалась непоколебимая решимость:

— Но финал этой организации уже предрешён. И он не изменится. Либо полное забвение после поражения... либо победа и убийство Бога.

«Этого не должно быть. Я лишь наблюдатель»

«Что я творю? Откуда во мне этот альтруизм?»

«Я писатель, а не спаситель мира!»

«Давно пора было так решить! — радостно воскликнула Дженни в сознании Джека. — Хорошо, что я такая умная и заранее подготовила для тебя почву!»

<http://bllate.org/book/15857/1439160>